

Андреас Умланд

В защиту конспирологии: ответ Сергею Куделии на его анти-политический анализ «гибридной войны» в Восточной Украине*

В своей хорошо исследованной статье для сайта *ПОНАРС Евразия* под названием «Внутренние источники донбасского восстания» эксперт по постсоветской политике Бэйлорского университета Сергей Куделя приводит интересные аргументы в пользу рассмотрения «украинского кризиса» не только и не столько в свете российского вмешательства¹. Куделя наоборот подчеркивает местные источники радикального сепаратизма, политической эскалации и широкомасштабного насилия, которые привели к полномасштабной войне в Донбассе летом 2014 г.

Куделя цитирует разработанные ранее сравнительные и теоретические аргументы известных обществоведов, ссылавшихся на другие случаи восстаний. Он упоминает ряд важных имен и событий, имеющих отношение к возникновению конфликта и ссылается на данные социологических опросов, иллюстрирующие специфику и изменения в политической культуре Донбасса в 2014 г. На основе этих ссылок, сравнений и наблюдений он разрабатывает интересную научную аргументацию, с помощью которой он критикует те интерпретации, которые подчеркивают роль Кремля в эскалации, милитаризации и ожесточении конфликта в Донбассе с начала 2014 г. Хотя Куделя нигде не упоминает термин «гражданская война», его доводы могут быть прочитаны как аргументация в пользу рассмотрения мятежа в Донбассе в основном – хотя и не исключительно – в этом ключе.

Призыв Кудели не игнорировать роль серьезных претензий и недовольств населения Донбасса, а также различных просчетов и ошибок украинского государства в возникновении конфликта как такового, важный и уместный. Политолог предоставляет информативный обзор особой украинской ситуации и релевантной научной литературы, который должен помочь исследователям, изучающим недавние события в Восточной Украине, лучше понять взаимодействие различных факторов, приведших к донбасскому мятежу. Тем не менее, его общий диагноз противоречив и может ввести в заблуждение читателей, которые будут главным образом полагаться на интерпретацию Кудели в вопросах, касающихся ис-

* Ранее опубликовано на английском языке на сайте *PONARS Eurasia* (30 September 2014).

¹ Kudelia S. Domestic Sources of the Donbas Insurgency // *PONARS Eurasia Policy Memos*. 2014. № 351. 15 September.

токов войны в Донбассе. Хотя Куделя в своем анализе аргументирует демонстративно политологически, его анализ парадоксальным образом остается, в конечном счете, анти- или аполитичным. Несмотря на ссылки на соответствующую политологическую литературу и перечисление некоторых важных политических фактов о регионе, он не объясняет и даже не намекает, каковы были или могли бы быть конкретные политические механизмы этого вооруженного мятежа.

Причина этого упущения Кудели проста: восстание не было лишь местным событием и вовлеченные в него политические деятели и силы из собственно Донбасса были слабыми и маргинальными. Донбасский мятеж был лишь частично внутренним украинским мероприятием. В значительной степени он инициировался, направлялся и поддерживался Москвой – в некоторых отношениях даже открыто, например, в виде ведущей роли таких окол Кремлевских активистов и граждан РФ, как Игорь Гиркин («Стрелков») или Александр Бородай. Критикуя тех, кто говорит о «подпольной организации, координируемой из единого центра», Куделя ставит под вопрос свой собственный аполитичный нарратив возникновения мятежа. Куделя предлагает объяснение явно политического инцидента, не называя или не будучи в состоянии назвать значимых донецких и луганских политических лидеров, форумов, организации и ресурсов, которые смогли бы воплотить в жизнь этот якобы преимущественно местный инцидент.

Опять же, сами по себе факты, сопоставления и аргументы, предложенные Куделей, конечно, интересны и хорошо изложены. Они, несомненно, должны учитываться в полномасштабной оценке причин начала войны. Тем не менее, общая картина, которую Куделя изображает в своем тексте, не полна. Хотя в анализе Кудели и упоминается российское «внешнее подталкивание», он делает слишком сильный акцент на существующей внутренней напряженности в Донбассе, и, таким образом, может направить читателей, не знакомых с современной украинской историей, в ошибочном направлении.

Какие именно парадоксы содержатся в нарративе Кудели?

Хотя Куделя пользуется выражено политологической аргументацией, он отталкивается в своих рассуждениях от некоторых заявления бывших или действующих американских дипломатов, которые однозначно называют Кремль виновником, если не единственным фактором, приведшим к эскалации насилия в Восточной Украине. Куделя использует эти несколько упрощенные обвинения для того, чтобы привести свой контраргумент о весомых внутренних причинах конфликта. Хотя высказывания этих американских дипломатов имеют исторический интерес, они сделаны непосредственными участниками, а не полностью отстраненными аналитиками международных событий, имеющих то или иное отношение к предыстории и ходу конфликта. Таким образом, эти комментарии имеют только ограниченную значимость для научной дискуссии по этому вопросу.

Неудивительно, что заявления вовлеченных деятелей имеют предвзятый характер. Так как эти знаменитости не являются академическими политологами, не следует ожидать от них особо сбалансированных заявлений. Большинство научных же аналитиков дало бы более соразмеренное изображение событий, подчеркнув взаимосвязь между внутренними источниками и иностранными импульсами мятежа в Донбассе, а также показав умелое использование Кремлем несомненно существующих местных напряженностей. Немногие ученые не согласились бы с утверждением Кудели, что «некоторые объяснения, указывающие на Россию как на единственного виновника, упускают из виду важные внутренние двигатели восстания».

Хотя он упоминает аннексию Крыма, Куделя удивительным образом не рассматривает захват Россией черноморского полуострова как событие, непосредственно предшествующее событиям в Донбассе. Как мы теперь знаем, в феврале-апреле 2014 г. проводилась секретная операция России по аннексии Крыма. А было ли вскоре после этого вспыхнувшее пророссийское восстание в Донбассе чем-то принципиально иным?

Нельзя не согласиться с тем, что разные формы недовольства населения Донбасса, а также институциональные дефекты украинского государства, на которых Куделя фокусирует свое внимание – на самом деле глубоки. Они хорошо изложены и контекстуализированы в его анализе. Тем не менее, остается открытым вопрос, являются ли они в исторической и сравнительной перспективе уже достаточными, чтобы объяснить эскалацию напряженности, приведшую к войне. Учитывая ту роль, которую Куделя приписывает особенностям политической культуры и ситуации в Донбассе в возникновении кровопролитного мятежа, вызывает недоумение тот факт, что войне этого года не предшествовало каких-либо значительных случаев политического насилия в Донбассе и раньше, а также то, что подобные войны не вспыхивают чаще во всем мире. Факторы, которые перечисляет Куделя – страх, возмущение, национальное разделение, нелегитимность и т.д., – а также их комбинации – не настолько уж редкие явления в мировой политике, как это можно было бы заключить из его анализа. Постсоветское украинское государство уже испытало политически и экономически крайне беспокойные времена и националистические всплески, как в 1990-е, так и в 2000-е гг. Тем не менее, никогда эти прежние существенные трения не приводили к ситуациям, хотя бы частично подобным вооруженному восстанию в Донбассе 2014 г.

Правда, и насилие в Киеве в январе-феврале 2014 г., а также захваты правительственных зданий не были до сих пор известны в постсоветской Украине. Возможно, таким образом, их можно рассматривать как шаги к восточно-украинской брутализации конфликта, как, по-видимому, предполагает Куделя. Действительно, насилие использовало не только правительство Януковича, но и протестующие. В частности, применение демонстрантами не только дубинок и камней, но также бутылок с зажигательной смесью, т.е. «коктейлей Молотова»

(что я публично критиковал во время Евромайдана) и, в некоторых случаях, даже оружия стало роковым развитием. Тем не менее, большинство жертв насилия во время Евромайдана составили антиправительственные демонстранты, а лицами, совершавшими акты насилия, были в большинстве случаев представители старого режима. Паника, которую вызвали события в Центральной и Западной Украине среди русскоговорящего населения Южной и Восточной Украины, была в большей степени связана с непрекращающейся информационной войной Кремля, чем с доморощенной обидой или побочным насилием со стороны активистов Евромайдана против брутально действующих спецподразделений «Беркута».

Аналогично спорным вопросом является и предполагаемая роль «Правого сектора» и национал-экстремизма в целом в организации и радикализации Евромайдана. Эта тема уже обсуждалась в течение последних месяцев в десятках более или менее эмоциональных статей западных и украинских наблюдателей. Некоторые недавние исследователи постсоветских крайне правых Украины, такие как Владимир Ищенко (Киево-Могилянская академия), Иван Качановский (Университет Оттавы), Гордон М. Хан (Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон) или Стивен Д. Шенфилд (Университет Брауна, штат Род-Айленд) говорили о центральной роли ультранационалистов в проведении Евромайдана или, по крайней мере, в его радикализации. Эта точка зрения противоречит мнению дольше и более узко ориентированных исследователей крайне правых в постсоветской Украине, которые уже ранее писали статьи и/или в настоящее время готовят крупные публикационные проекты (научные монографии, серии статей, специальные журнальные выпуски), в которых они анализируют постсоветский украинский партийно-политический ультранационализм. Среди них такие ученые, как Татьяна Безрук (Киево-Могилянская академия), Артем Йовенко (Йенский университет), Алина Полякова (Бернский университет), Ленка Бустикова (Университет штата Аризона), Антон Шеховцов (Университетский колледж Лондона), Вячеслав Лихачев (Евроазиатский еврейский конгресс, Иерусалим) и я (Институт евро-атлантического сотрудничества, Киев) – перечислены здесь по мере увеличения возраста. Эти исследователи заняли менее алармистскую позицию и приписывают украинским правым экстремистам относительно незначительную роль в недавних событиях в Киеве.

Интенсивные общественные и жаркие академические дискуссии вокруг «Правого сектора» были, не в последнюю очередь, ответом на истерику в СМИ, которую российские пропагандистские телеканалы подняли вокруг Яроша & Ко. В определенный момент «Правый сектор» почти так же часто упоминался по контролируемому Кремлем телевидению, как и правящая российская партия «Единая Россия». Что, несмотря на такое внимание, осталось проигнорированным во многих российских и западных репортажах, был тот простой факт, что значительная часть руководства и состава «Правого сектора» были выходцами из Южной и Восточной Украины, и что некоторые из местных организаций, исполь-

зующих ярлык «Правый сектор», частично и даже преимущественно общаются на русском языке.

Это не отменяет проблематичные или даже неприемлемые политические взгляды, которых придерживаются многие (хотя, видимо, и далеко не все) члены «Правого сектора». Но, по-видимому, значительное участие русскоязычных в «Правом секторе» не подходит под популярный имидж экзистенциального конфликта между русскоговорящим востоком и украиноговорящим западом Украины. Возможно, скорее распространяемая Кремлем страшилка геноцидального и этноцентристского «Правого сектора» как часть московской «гибридной» или «нелинейной войны» против Украины, а не реально существующий «Правый сектор», сыграла свою роль в нагнетании страха среди многих русскоязычных в Донбассе и Крыму. Рассматривать этот фактор как исключительно внутренний источник сепаратизма было бы ошибкой.

Упоминание Куделей местных восстаний в Западной и Центральной Украине во время Евромайдана как событий, предвещающих вскоре вспыхнувший вооруженный мятеж в Донбассе, является важным фактором, но он также может быть неправильно истолкован. Как и в случае с функцией запуска насилия, которую якобы выполнил Евромайдан в Киеве, линия преемственности между революционными захватами правительственных зданий в Центральной и Западной Украине и вооруженным восстанием в Донбассе является лишь частичной, если не ложной. Ранние захваты зданий администраций были направлены против конкретного украинского политического режима, а не против украинского государства. Они не привели к крупным жертвам, а физическое насилие использовалось только в относительно ограниченной степени. Донбасский мятеж в своей ранней стадии, возможно, и скопировал события, происходившие на западе страны. Но, в отличие от последних, он уже вскоре был направлен против украинского государства как такового и быстро разросся благодаря удивительно широкому использованию все более тяжелой военной техники.

Для политолога самым парадоксальным аспектом в истории донбасского восстания, преподнесенной Куделей, является отсутствие значительных местных политических акторов, лидеров, организаций и институтов в цепи событий, приведших к войне. В Донецком бассейне, по представлению Кудели, произошло политическое событие возможно мирового значения, при отсутствии реальной политики, то есть без наличия публично известных политиков, партий, форумов, спонсоров и т.д., сыгравших в нем решающую роль. В Крыму, в кремлевской операции аннексии были задействованы хоть некоторые более или менее локально известные политики и организации, непосредственно участвовавшие в реализации сессии на местах. В Донбассе же, кажется, ни один значительный местный политик, общественный деятель, политическая партия или НПО не были вовлечены в подстрекательство, руководство и поддержку трагических событий, приведших к войне.

Куделя много пишет о культурных особенностях Донбасса и ошибках украинского государства как о факторах, которые могли бы объяснить вооруженное восстание. Он упоминает также несколько незначительных пророссийских группировок. Но остается неясным, кто из состава донбасского политического партийного спектра или донецких или луганских знаменитостей имел достаточно политической власти, воли, веса, навыков и ресурсов, необходимых для преобразования несомненно существовавших недовольств в продолжительную политическую акцию, результатом которой стало создание не менее чем двух вооруженных до зубов псевдо-государств, так называемых Донецкой и Луганской «народных республик».

Сам Куделя иллюстрирует сюрреализм этой ситуации, признав, что «значение лидеров в запуске сепаратистского восстания в Донбассе [...] остается неопределенным. [...] Ни у одной из групп, участвовавших в организации митингов – Русский блок, Донецкая добровольческая армия, Луганская гвардия, и т.д., не было значительных организационных или финансовых ресурсов для финансирования движения. В то же время, никогда не было представлено никаких убедительных доказательств, подтверждающих, что движение финансировалось богатыми лидерами Партии регионов, такими как Янукович или Ринат Ахметов. [...] Региональная политическая элита, в том числе члены региональных и городских советов, в большинстве своем отказались поддержать сепаратистское движение, несмотря на попытки демонстрантов заручиться их поддержкой. В результате, новые региональные самопровозглашенные советы включили в свои составы в основном случайных людей, отобранных из числа демонстрантов».

Наряду с моим неудовольствием тем, что Куделя дал неполное представление о характере мятежа в Донбассе, я положительно оцениваю его рассмотрение этих событий со сравнительной политологической перспективы и применению политической теории в их оценке. Боюсь, однако, что всестороннее исследование и надлежащая оценка этих событий не могут быть сделаны исключительно с помощью традиционного политологического инструментария. Может быть для этого нужна будет также и кремниологическая (а может даже и криминологическая) экспертиза. Основные индивидуальные и коллективные субъекты, управляющие этими событиями, как я подозреваю, будут найдены, в конце концов, в Москве, а не в Донецке или Луганске. Если бы Куделя сделал, по крайней мере, намек в этой связи, его в остальном информативный текст можно было бы беспрекословно приветствовать как несомненно полезный вклад в изучение последних событий в Украине.

Перевод с английского: Елена Сивуда